

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В СЛОВАРЕ ИНТЕРОЦЕПТИВНЫХ ОЩУЩЕНИЙ

Барышников Павел Николаевич

Пятигорский государственный университет (г. Пятигорск, Россия)

Аннотация

В статье рассматриваются функции метафорического мышления при формировании словаря внутрителесных и эмоциональных состояний на основе архаичных пластов языкового сознания. Рассматриваются принципы также охватывает семантического смещения, лежащие в основе процессов метафоризации. Английские, французские и русские аффективные метафорические и идиоматические выражения служат примерами активности архаических мифологических концептов, обладающих разными смысловыми атрибутами. В этом аспекте особый интерес представляет концептуальный словарь interoceptивных ощущений. Сравнительный анализ идиоматических выражений, связанных с эмоциями, наглядно демонстрирует концептуальную связь архаических мифологических представлений с телесностью. В результате мы приходим к утверждению, что мифологические концепции имеют два функциональных уровня. С одной стороны, мифогенез является результатом социокультурной деятельности, т.е. это область внешнего функционирования. С другой стороны, мифологические представления связаны с бессознательными процессами, берущими свое начало в коллективном архаическом слое сознания.

Ключевые слова: метафора, мифопоэтика, когнитивные и эпистемологические функции, тропичность, концепт, interoception, мифологическая репрезентация.

MYTHOLOGICAL CONCEPTS IN THE DICTIONARY OF INTEROCEPTIVE SENSATIONS

Baryshnikov Pavel Nikolaevich

Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia)

Abstract

The article deals with functions of metaphoric thought during formation of affective expressions based on the archaic layers of linguistic consciousness. It also covers semantic substitution underlying idiomatic forms of reality representation. The English and French affective metaphorical and idiomatic expressions serve as examples of activity of archaic mythological concepts possessing of different semantic attributes. In this issue, the conceptual vocabulary of interoceptive sensations is of particular interest. Comparative analysis of idiomatic expressions associated with emotions clearly demonstrates the conceptual connection of archaic mythological concepts with corporeality. As a result, we come to the statement that mythological concepts have two functional levels. On the one hand the mythogenese is a result of social cultural activity, i.e. it's a area of external functioning, on the other hand mythological viewing are related to unconscious process, which have its origin in the collective archaic layer of the consciousness.

Keywords: metaphor, mythopoetics, cognitive and epistemic functions, tropicality, concept, interoception, mythological representation

Введение

Вопрос о включенности мифа в язык крайне интересен и мало разработан. В этом русле построены различные палеоэтимологические исследования в русле индоевропеистики или междисциплинарные отрасли, такие как лингвистический анализ психопатологического дискурса и т.д. Но наиболее эффективным нам видится выявление мифологических концептов в современном метафорическом языке повседневности в русле концептуально-семантического подхода. Это связано, прежде всего, с глубоким теоретическим наследием философии мифологии и с успехами когнитивной семантики в метафорологии. На наш взгляд, философское осмысление роли мифа в формировании языковых концептов может привести к нетривиальным результатам.

В настоящее время наблюдается очередной рост научного интереса к проблемам психоанализа во фразеологии [1], т.е. исследователи признают тот факт, что бессознательные процессы, оперирующие глубинными образными структурами, влияют не только на единообразие мифологических систем, но и на языковую форму проявления мифологических концептов.

Можно предположить, что принцип аналогии или семантического переноса, выражаемый в языке посредством метафор, лежит в основе упорядочивания и взаимовлияния двух планов человеческого бытия, внутреннего и внешнего. Миф выступает в этом случае в качестве набора инвариантных образов. Особое место занимает концептуальный словарь интероцептивных ощущений, описывающий телесные и психоэмоциональные состояния. В данной работе проводится компаративный анализ мифологических метафор телесно-эмоциональных состояний на материале английского, французского и русского языков.

Обзор литературы

Говоря о связи бессознательного и языка, отметим, что не сами процессы подсознания протекают «на языке», а методы психоанализа имеют текстовую природу, потому как эти сложные психические процессы возможно изучить только в поле дискурса. Основной вопрос, как уже упоминалось, состоит в том, что остается невыясненной природа несвободной сочетаемости метафорических единиц. «Устойчивые метафорические сочетания возникают как результат языкового и культурного выбора из множества возможных словосочетаний, мыслимых как свободные» [10, с. 291]. Ярким примером мифологического следа в языковых примерах являются метафоры, выражающие чувственные переживания. Метафора состоит в том, что чувства – это агрессивная, как правило, отрицательная сила, неподвластная человеку. Чувства – это что-то приходящее извне и неподдающееся контролю разума. Чувства *приходят в человека, нападают на него, поселяются в душе, крадываются*; человек может *бороться со своими чувствами, брать над ними верх* и т.д. В языковом воплощении человек, *одержимый чувствами*, подобен мифологическому герою, борющемуся с природной стихией (*бурей, ураганом, волной* и т.д.) [7, с. 27–35]. Язык, также закрепил образ слепца или умалишенного, покинувшего свое истинное «Я» (например, единая дискурсивная природа слепца и безумца описывается М. Фуко [2]): *быть одержимым страстью, выйти из себя, быть вне себя от ярости, быть ослепленным гневом, не помнить себя от страха*.

Любопытно, что языковая репрезентация чувств, нашла свое отражение и в социальной деятельности, в частности в юридической практике, когда состояние аффекта является смягчающим обстоятельством преступления. Схожее отношение к чувствам и чувственности мы находим в религиозной практике, начиная с отсечения

привязанностей и успокоения *чувственной бури* в буддизме, заканчивая *опалющим чувственным огнем мирской жизни* в христианстве.

Итак, осмысление чувств через языковую картину мира придает им образ неконтролируемой агрессивной силы, приходящей извне. Возможно, система древних мифологических представлений о добрых и злых духах была трансформирована в язык в форме устойчивых метафорических словосочетаний, выражающих внутрителесные и эмоциональные чувственные состояния. Эти застывшие в языке мифы стали составляющей культурного поля исторической памяти, транслируемой из поколения в поколение [10, с. 297]. Ведь до сих пор о буйном проявлении чувств можно услышать «*бес попутал*», «*нечистая завела*», «*он во власти прелести*» и т.д.

Методы

Дальнейший анализ метафор, выражающих чувства, подводит нас к сравнению и этимологизации чувственных образов, связанных с конкретным телесно-эмоциональным фоном. Подробный лингвистический анализ метафор хотя бы некоторых европейских языков, составил бы целую монографию. Поэтому мы остановимся лишь на наиболее ярких примерах мифологических концептов, связанных с интероцептивными и эмоциональными ощущениями в русском, французском и английском языках.

Чувства из абстрактной области «извне» в метафорических выражениях перемещаются в центр (согласно мифологическим представлениям) человеческого естества: в сердце или душу, а также иногда печень или селезенку, которые имели в архаичных представлениях сакральное значение сохранения жизненной силы. Именно поэтому бытуют следующие выражения: *печаль закралась в сердце, на душе тоска, сидит в печенке (селезенке)*. При этом концептуализируется образ хищного агрессивного зверя. В мотиве вселения чувства в душу просматривается параллель с поведением демонов в мифологии, завладевающих мыслями и чувствами героя. Образ демонов, также зачастую связывался с гиперболизированными образами животных (См. табл.1).

Описание концепта	Русский	Французский	Английский
1. Чувства в образе зверя.	<i>Грусть/печаль/тоска нападает, наваливается, гложет, охватывает кого-либо; озвереть, зверская злость.</i>	<i>Avoir le cafard. Passer son humeur noire. Les affres de la mort, féroce bestial. About sadness – s'emparer de qn., gagner qn., se ruer sur (directe sense to savage).</i>	<i>To grip, to seize, to overcome, beastly, awful, frightful, tremendous, ravenous.</i>
2. Образ борьбы, нападения и победы над inferнальной природой зооморфных чувств выражается в прямых метафорах.	<i>Бороться со скукой, преодолеть тоску, пересилить лень, избыть, одолеть, разогнать, рассеять, развеять и т.д.</i>	<i>Dissiper le cafard, chasser l'ennui, surmonter, dominer les sentiment, réprimer ses passions.</i>	<i>to subdue, to dispel, to destroy, to master, to bridle, to override, to bend to one's will.</i>
3. Деструктивная составляющая эмоциональных образов выражается драматическими глаголами.	<i>Гнев, ярость, горе, тоска, печаль, уныние, скука и т.д.) – давит, душит, гнетет, гложет, заедает, пожирает, сушит, старит, сгибает, наваливается, нападает, ложиться на сердце, стесняет грудь, находит, накатывает, обуревают, обуюет.</i>	<i>Rage, tristesse, angoisse, cafard, chagrin, pien, écumant (foaming) de rage, consumer, avoir la poitrine opréssée, ronger, accabler, l'angoisse étreint, avoir le coeur serré.</i>	<i>To emaciate, to exhaust, devoured by guilt, to prey upon, to gnaw (Sorrow is gnawing at my heart), torment, harass, to choke, (he is choking with anger).</i>
4. Некоторые метафоры,	<i>Побелеть, потемнеть,</i>	<i>Trembler, à se tordre les</i>	<i>To be beside oneself;</i>

<p>означающие эмоциональные и экстатические состояния, характеризуются мифологическими образами мистических преобразований, а также уходом из тела, потерей души. И это свидетельствует о сохранении семантических следов архаических магических верований в языковом сознании.</p>	<p><i>поседеть, согнуться, осунуться, трястись от ярости, задрожать от гнева, выйти из себя, сам не свой, быть на себя непохожим.</i></p>	<p><i>côtes (до скрученных ребер), se courber; se plier, s'obscurcir, pâlir d'effroi, devenir blanc comme un linge, ses traits se sont tirés; ses joues se sont creusées (cheeks have sunk in, ввалились щеки), s'emporter, éclater, sortir de ses gonds (выйти из себя), sortir de son lit (break its banks, выйти из берегов), être très mal à l'aise.</i></p>	<p><i>to lose one's temper, to fly into a rage, to be not himself with grief, to grow, grow lean, get/grow pinched; become drawn in the face; become thin and hollow-cheeked; look drawn/haggard; become peaky.</i></p>
---	---	--	---

Таблица 1. Сравнительные примеры семантических архаических следов в метафорах чувственных состояний

Можно утверждать, что в выражающих чувственные и эмоциональные состояния языковых метафорах отразились мифологические представления о злых духах, о неподвластных хтоническим силам, приводящих «Космос человеческой души» к Хаосу, к разрушению. Проникая в центр человеческого естества, демоническое начало ведет к потере разума и к смерти. Интересно отметить, что в церковном повседневном языковом обиходе чувства и любое проявление чувственности называются «демонами» или «бесами», которые «порабощают» или «убивают» дар Бога человеку – Разум [6].

Мы вынуждены не согласиться с мнением Н.Г. Брагиной, что за личностно-эмоциональным переживанием можно закрепить мифологический образ Змея/Дракона лишь потому, что Дракон – образ морского чудовища с аморфными чертами, которые выражаются в метафорических парах *чувства – природа, чувства – элементы Хаоса* и т.д. [10, с. 300–301]. Разумеется, образ Дракона имеет хтонические черты, это символ Тьмы, Хаоса и Разрушения. В мифологических сюжетах Дракон действительно возвращает мир к первичному Хаосу, но, если проанализировать синтагматические трансформации образа Дракона через мифы, сказки, эпические поэмы, куртуазные романы и т.д., то окажется, что за ним закрепляется мотив социального катаклизма, когда Дракон, Змей, Сфинкс облагают кровавой данью чье-либо поселение, угрожают продолжению рода, забирая женщин и т.д. Именно поэтому в культурно-исторической памяти концепт Дракона связывается с самодурством власти, тоталитарным режимом, игом и прочими формами социальной несвободы. А эмоциональные переживания, на наш взгляд, закреплены в концептах личных «демонов», которые пробираются в душу виде соблазнов, искусов, гнева, ярости, гордыни и т.д., и лишают человека ума, души, сердца.

Пределной концентрацией деструктивной агрессивной направленности мифологических образов чувств выражены в мотиве смерти:

Описание концепта	Русский	Французский	Английский
5. Мотив смерти.	<p><i>тоска смертная, скука смертельная, убийственная тоска, сдохнуть, повеситься, от тоски, мухи мрут, умирать от страха от ужаса.</i></p>	<p><i>humeur massacrante, les affres de la mort, crever de l'ennui, on s'ennuie à mourir, les transes de la mort, c'est mortel.</i></p>	<p><i>killing, murderous deadly, terrible, (mortal) agony, death throes, this book bores you to death, to croak, utter boredom.</i></p>

Возможно, что мотив поглощения (*тоска заела, гложет, тоска ест поедом*) также связан с антропоморфными чертами смерти, которая *косит, уносит, поедает, сжирает*; (ср. *ненасытная смерть*). В устойчивых метафорических словосочетаниях мифологический мотив смерти выражается через следующие смысловые группы: *холод, потеря рассудка и неподвижность*.

Описание концепта	Русский	Французский	Английский
б.а) Мотив смерти (холод, потеря рассудка и неподвижность).	<i>окоченеть, кровь стынет в жилах, похолодеть, заледенеть от страха, похолодело внутри.</i>	<i>le sang se glace dans les veines, avoir la frousse, être glacé d'effroi, être transi de froid, la peur lui glace le sang.</i>	<i>one's blood freezes, one's blood runs cold, it makes one's blood curdle, to grow cold (numb) with terror.</i>

Такое метафорическое закрепление образа холода и льда, на наш взгляд, можно объяснить тем, что в мифологических представлениях путешествие души умершего ассоциировалось с охладевшим телом мертвеца, с могильным холодом, ледяным ветром (если практиковались захоронения на столбах или деревьях), со студеной проточной водой (при захоронениях на реках) и т.п. Бинарная оппозиция выстраивалась следующим образом: *холод/тепло: смерть/жизнь*. Хотя мифологические концепты в языковом воплощении могут смешиваться с психосоматическими аффективными проявлениями человека.

Описание концепта	Русский	Французский	Английский
б.б) Мотив смерти (психосоматические аффективные проявления).	<i>потерять голову, обезуметь, сойти с ума, впасть безумие от горя, быть без ума от чего-л.</i>	<i>être timbré, être toqué, être fou de..., raffoler de, perdre la tête, être affolé par la peur, ...à la folie.</i>	<i>to go crazy, to go out of one's mind/head, are you out of your senses?, to go mad, to go off one's head, to lose one's mind.</i>

Потеря рассудка, безумие, суицидальные тенденции, как уже упоминалось, являются явными проявлениями хтонического деструктивного начала чувств, неподдающихся контролю рассудка. В представленных метафорах очевиден образ противостояние демонических сил и центра человеческого естества, которые выражается через образ рассудка, ума. Здесь проявляются оппозиции *демоническое/божественное, звериное/человеческое*, т.к. ярость, гнев, чувственная жажда суть животные реакции, сдерживаемые разумом.

Описание концепта	Русский	Французский	Английский
б.с) Мотив смерти (обездвиживание)	<i>застыть, оцепенеть, остолбенеть, окаменеть, замереть, встать, как вкопанный, стоять, как столб</i>	<i>être stupéfait, être transi, être paralysé par le chagrin, être pétrifié, être cloué sur place (букв. быть пригвожденным), se figer, mon cœur a défailli (букв. угасло)</i>	<i>stock-still (букв. словно ствол), transfixed, rooted to the ground (букв. пустить корни в землю), stone-still, grow torpid (букв. впасть в спячку), become rigid (букв. затвердеть), stiffen (букв. загустеть), be dumbfounded, become callous (букв. стать булыжником).</i>

Приведенные метафорические лексические сочетания являются примером того, как в языке застыли мифологические представления о превращениях. Т.е. демонические силы, обуревая человека, превращают его в камень, дерево, столб, естество человека застывает, густеет и т.д. Интересно отметить, что концепт твердости имеет также положительные коннотации: *словно могучий дуб, как скала, стальной характер и т.д.* Но в данных примерах очевидны бинарные оппозиции между движением и покоем: *жизнь/движение, смерть/покой.*

В целом все три подгруппы пункта б. выстраивают семантический ряд смерти, черты, которые проступают при чувственных переживаниях. Здесь же читается образ потустороннего мира мертвых, где все пребывает в покое, тишине, холоде, темноте. Но миру мертвых противопоставляется образ самих демонических существ, которые, как уже упоминалось, по своей природе зооморфны. В мифологических системах демоны и злые духи, как правило, рождены от гнева и ярости богов, поэтому с ними ассоциируется звериная страсть необузданный нрав и т.д. Здесь просматриваются сюжетные черты, выраженные в метафорических свойствах языка. Животное начало в человеке, если оно не сдерживается рассудком и разумом, приводит к смерти.

Мотив зверя в языке близок к идеям тотемизма и культуре поклонения животным. Согласно юнгианской модели, образ животного относится к области бессознательного и бессознательных инстинктов. Отсюда возникает отождествление себя с животным во сне или во время сеанса гипноза. Расстройства невротического характера зачастую выражаются в невозможности современного человека открыто проявлять свою инстинктивную природу. [5] Но в языке эти мотивы достаточно прозрачны:

Описание концепта	Русский	Французский	Английский
7. Мотив зверя.	<i>разбудить в ком-л. зверя, убить в себе зверя, задушить в себе зверя, выпустить тигра из клетки, сорваться с цепи, смотреть как загнанный/раненный зверь, выпустить когти.</i>	<i>se déchainer, comme une bête enragée, avoir l'air farouche, montrer ses griffes, montrer les dents.</i>	<i>to look very fierce, to look daggers, to bring out the beast in smb., to show its claws.</i>

Исторический анализ лингвистической трактовки мифа приводит нас к мысли о взаимозависимости метафорического мышления и социального мифопорождения. Идею лингвистов XIX в. о мифах как о забытых метафорах теоретически можно инверсировать, и тогда метафоры предстанут в виде забытых или закодированных мифов. И та, и другая точка зрения подлежат рациональному обоснованию [9].

Результаты

Таким образом, результаты сравнительного анализа метафорических выражений, означающих чувственные состояния, дают возможность утверждать, что в языке в его семантических коннотативных функциях сохраняются т.н. паттерны культурно-исторической памяти, которые основаны на архаичных мифологических концептах, имеющих глубинную связь с бессознательным [См.: 12] Эти мифологические концепты имеют два уровня функционирования. С одной стороны, мифогенез есть результат культурной деятельности общества, т.е. это область внешнего функционирования с другой – мифопредставления свойственны бессознательным процессам, которые в свою очередь являются фрагментом

коллективного бессознательного. По этой причине вопрос о первичности мифа и метафоры в русле лингвистической теории мифа выглядит крайне сложным.

Историческое развитие теорий мифа и метафоры свидетельствует о том, что возможно параллельное сосуществование осмысленного и неосмысленного уровней функционирования мифа и метафоры. Люди говорят метафорами, создают мифы, но при этом никогда не задумываются о принципах и механизмах собственного языка и мышления. В современном обществе происходит расцвет мифологического мышления, но одновременно существует и теоретическое знание о мифе.

«Мы живем в мире метафор» [11], которые в своих смысловых преобразованиях хранят память об архаичном мифомышлении. Актуальное мифомышление создает при этом новые метафоры. В данном контексте релевантно будет сравнение нестандартного уровня языкового общения как, например, профессиональный, сленг, арго, кент, т.к. мифологизация дискурсивных образов наиболее отчетливо видна в особенностях субкультурной языковой формации.

В этом плане вызывает интерес работа Н.Ф. Осипчука «Метафорические образы в американском кенте и русском арго» [4]. Автор отмечает, что в арготических метафорах большую роль играет психо-эмоциональный фактор. В метафорах, концептуализирующих образ полицейского, оружия, денег, тюрьмы и прочих реалий данной прослойки общества, выражается ироничное, бравурное, циничное, уничижительное отношение. Это метафоры могут не выражать эмоций, но по семантическому ряду смещений они схожи с фольклорно-мифологическими образами, рассмотренными выше. Так, скажем, словарный запас выходца из криминальной среды имеет множество названий для представителей охраны правопорядка при этом при помощи метафорического переноса им приписывается множество качеств, черт, свойственных, например, животным: *bandog, pig, monkey, bull, cow-boy, \cowboy\, snake, snatcher*. Для русского арго характерны те же процессы, а именно: сотрудник милиции, страж порядка в арго всего лишь *жаба, кукушка, краб, дракон, карась, коршун, крысолов, пес, петух, таракан*. Высмеивается их внешность, поступки, форма одежды: *lip tug, mouth pork badge, badge bandit, arm, mulligan, beetle-crusher, eye, claw, clown, blisterfoot, headache, grasseater, headbeater, teateater*, или *беспредельник, вязало, злыдень, мясник, нахал, опричник, погон, ряженный, сапог, свисток, цветной, язык, нюхач* [8].

Особую экспрессивную окраску в представлении криминального контингента имеет образ оружия. Так, нож в американском кенте это – *shiv, artillery, cannon, chiller, equalizer* – *оружие, пистолет; burn, cancel someone's Christmas, dust* – *убить кого-либо, расстрелять*. В русском арго список этих инструментов более богат: *нож это – беда, дунька, жало, инструмент, лезвие, перо; огнестрельное оружие – берданка, верный, дубина, пушка, свеча, шприц; убить кого-то – вальнуть, грохнуть, перекрыть кислород, кокнуть, порешить, пришить, хлопнуть*.

Очевидно, что специфика представленных метафор заключается в том, что через них можно увидеть, прочувствовать семантические образы мировоззрения и ментальности криминальной субкультуры. Презрение и ирония в отношении представителей правопорядка выражается через образ животного и зооморфных черт и pejоративной номинации через форму одежды и прочие атрибуты. Грубовато-ласковое отношение к оружию, неприкрытый цинизм в метафорах убийства, все эти примеры приоткрывают языковое воплощение картины мира, которая во многом схожа у представителей разных культур, но единого социального статуса.

Заключение

Согласно когнитивной теории, метафора является ключевым познавательным инструментарием мышления. Это естественная врожденная способность к постижению одного явления через образ другого свойственна любому мышлению и любому языку. Разумеется, в различных языках велика диверсификация механизмов первичной и вторичной номинации, но метафора является основным когнитивным принципом. В истории познания миф явился первой попыткой языкового осмысления действительности. Как только уровень развития языка и мышления позволил архаичному человеку выделить себя из сплошной линейности инстинктов и психофизических реакций, сигнал стал знаком, а семейный клан – обществом. Этот же момент зарождения субъект-объектных отношений включил первичные языковые формы в модели познания. Миф стал «проговариванием» осмысленного мира.

В силу того, что особенностями мифомышления являются аффективность, нерасчлененность, синкретичность, можно предположить, что значение мифологического дискурса оставалось всегда буквальным, как и слово было всего лишь означающим, и не мыслилось как языковая оболочка. Социальная деятельность, стимулирующая развитие, подтолкнула человечество, к постепенному выходу на метауровень относительно языка и собственного познания [3].

Таким образом, когда слово стало не только *означать*, но и *значить*, миф стал не прямой «актуализацией реальности», а формой дискурсивного или ритуально-драматического воспроизведения *значения* мифологических событий. На наш взгляд, только такая рефлексивная позиция позволила архаичному сознанию осмыслить метафору как метафору в полном смысле.

Языковой план выражения картины мира, особенностей национального или культурно-социального менталитета застывает в метафорах и мифологических представлениях. Именно поэтому, на наш взгляд, лингвофилософский анализ соотношения метафоры и мифа актуален и способен дать интересные результаты. И мифотворчество, и создание иносказательных средств выражения суть производные тончайших границ соприкосновения языка, мышления, культурно-исторической памяти индивидуального образного видения и массового сознания.

Эти области довольно сложно изучать строгими аналитическими методами, поэтому, философская рефлексия над данными лингвистических сопоставлений позволяет максимально широко раскрыть исследовательский интерпретативный потенциал таких сложных объектов как миф и метафора.

Литература

1. Citron F.M.M., Cacciari C., Kucharski M., Beck L., Conrad M., Jacobs A.M. When emotions are expressed figuratively: Psycholinguistic and Affective Norms of 619 Idioms for German (PANIG) // Behavior Research Methods, 2016. №1, vol. 48. P. 91–111. DOI: 10.3758/s13428-015-0581-4.
2. Foucault M. Histoire de la folie à l'âge classique: Gallimard, 2018. 688 p.
3. Krishna, A.; Lee, S.W.S.; Li, X.; Schwarz, N. Embodied Cognition, Sensory Marketing, and the Conceptualization of Consumers' Judgment and Decision Processes: Introduction to the Issue // Journal of the Association for Consumer Research, 2017. № 4, vol. 2. P. 377–381. DOI: 10.1086/694453.
4. Osipchuk N.F. Metaphoric images in the American cant and Russian argot. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University Publisher, 2006.

5. Wallemacq A. Totem and Metaphor: The Concept of Network as a Symbolical Operator // Organization, 1998. № 4, vol. 5. P. 593–612.
6. Авдеев Д.А. Истерия. Беседы с православным врачом. Москва: «Русский хронограф», 2002. 160 с.
7. Апресян Ю.Д. Метафора в лексикографическом толковании эмоций // Вопросы языкознания. 1993. №3. С. 27–35.
8. Балдаев Д.С. др. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / речевой и графический портрет советской тюрьмы / Москва: Края Москвы, 1992. С. 324/
9. Барышников П.Н. Миф и метафора: лингвофилософский подход. Санкт-Петербург: Алетейя, 2010. 216 с.
10. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. Москва: Языки славянских культур, 2007. 514 с.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
12. Силичева О.С. Детские паттерны и некоторые причины депрессии. Архетип героя как этап процесса индивидуации личности // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 37–42.

References

1. Citron F.M.M., Cacciari C., Kucharski M., Beck L., Conrad M., Jacobs A.M. When Emotions are Expressed Figuratively: Psycholinguistic and Affective Norms of 619 Idioms for German (PANIG) // Behavior Research Methods, 2016. №1, vol. 48. P. 91–111. DOI: 10.3758/s13428-015-0581-4.
2. Foucault M. Histoire de la folie à l'âge classique: Gallimard, 2018. 688 p.
3. Krishna, A.; Lee, S.W.S.; Li, X.; Schwarz, N. Embodied Cognition, Sensory Marketing, and the Conceptualization of Consumers' Judgment and Decision Processes: Introduction to the Issue // Journal of the Association for Consumer Research, 2017. № 4, vol. 2. P. 377–381. DOI: 10.1086/694453.
4. Osipchuk N.F. Metaphoric images in the American cant and Russian argot. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University Publisher, 2006.
5. Wallemacq A. Totem and Metaphor: The Concept of Network as a Symbolical Operator // Organization, 1998. № 4, vol. 5. P. 593–612.
6. Avdeev D.A. Isteriia. Besedy s pravoslavnyim vrachom [Hysteria. Conversations with an Orthodox Doctor]. Moskva: «Russkii khronograf», 2002. 160 s. (In Russian).
7. Apresian Yu.D. Metafora v leksikograficheskom tolkovanii emotsii [Metaphor in the Lexicographical Interpretation of Emotion] // Voprosy iazykoznanii. 1993. №3. S. 27–35. (In Russian).
8. Baldaev D.S. dr. Slovar' tiuremno-lagerno-blatnogo zhargona [Dictionary of Prison-lag-jargon / speech and Graphic Portrait of the Soviet Prison] / rechevoi i graficheskiĭ portret sovetskoi tiur'my / Moskva: Kraia Moskvy, 1992. S. 324 (In Russian).
9. Baryshnikov P.N. Mif i metafora: lingvofilosofskii podkhod [Myth and Metaphor: a Linguophilosophical Approach]. Sankt-Peterburg: Aleteiia, 2010. 216 s. (In Russian).

10. Bragina N.G. Pamiat' v iazyke i kul'ture [Memory in Language and Culture]. Moskva: Iazyki slavjanskikh kul'tur, 2007. 514 s. (In Russian).

11 Lacoff J., Johnson M. Metaforы, kotorymi my zhivem [Metaphors we Live by]. Moskva: Editorial URSS, 2004. 256 s. (In Russian).

12. Silicheva O.S. Detskie patterny i nekotorye prichiny depressii. Arkhetip geroia kak etap protsessa individuatsii lichnosti [Childhood Patterns and Some Causes of Depression. The Hero Archetype as a Stage in the Process of Personality Individuation] // Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyĭ resurs]: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoĭ nauchnoĭ mezhdistsiplinarnoi konferentsii (iun' 2020 goda, g. Sevastopol') / Pod redaktsiei A.V. Stavitskogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2020. С. 37–42. (In Russian).

Сведения об авторе:

Барышников Павел Николаевич

профессор кафедры исторических социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», доктор философских наук, доцент (г. Пятигорск, Россия).

E-mail: pnbaryshnikov@pglu.ru

Bionotes:

Baryshnikov Pavel Nikolaevich

Professor of the Department of Historical Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University, Doctor of Philosophy, Assistant Professor (Pyatigorsk, Russia).

Для цитирования:

Барышников П.Н. Мифологические концепты в словаре интероцептивных ощущений // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2, 2022. С. 13–32.

For citation:

Baryshnikov P.N. Mythological Concepts in the Dictionary of Interoceptive Sensations // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2, 2022. С. 13–32.